

Стѣнь у храма не было, но, опредѣленно, былъ порогъ: посѣтитель запнулся объ него. Во снѣ отношеніе къ самому себѣ обычно какъ почти къ третьему лицу: нѣкто присутствующій, наблюдающій себя со стороны... и, когда ничто не болитъ, ты вообще свободенъ отъ внутреннихъ органовъ, какъ плазменное облако.

Въ храмѣ же облакомъ клубился графитовый сумракъ, облакавшій витаніе мыслей въ ихъ быструю проводимость и читаемость...

Служитель, смотритель или директоръ храма встрѣтилъ посѣтителя заинтересованной улыбкой: съ чѣмъ пришёлъ человекъ?.. Кто-то шёлъ сюда какъ въ подлинный храмъ, кто-то шёлъ какъ въ мастерскую, а кто-то – какъ въ банкъ данныхъ, чтобы погрузиться въ кладези и въ залежи предполагаемыхъ сокровищъ. Кто-то могъ прійти, чтобы просто убить время въ складѣ-журналѣ-магазинѣ изящной словесности – чѣмъ, строго говоря, для большинства и являлся этотъ «храмъ».

Журналъ и складъ были по совместительству ещё и витриной переводныхъ изданій съ вѣковыхъ заслуженныхъ языковъ Стараго Свѣта.

«Толерантность и нетерпимость, – думаетъ посѣтитель, – младшія сѣстры-близняшки у прогресса», но дальше думать не хочетъ, остерегаясь сверхпроводимости и утечки мыслей въ пространствѣ, подконтрольномъ «Институту перевода».

Онъ пришёлъ сюда по перечтеніи запомнившихся въ дѣтствѣ романовъ Мориса Бендрикса – вьетнамскаго, кубинскаго и негритянскаго цикловъ, и потому, что ещё вспомнилось, какъ преподавательница въ университетѣ давала ему прочесть въ подлиннике одинъ романъ того же Бендрикса («совсѣмъ не похожъ на его остальные романы», звучитъ изъ далей и глубинъ ея тогдашній голосъ, а она всего четырьмя годами старше студента – тогда ещё и дѣвственника). Романъ посвящался терзаніямъ Бендрикса, разставшагося съ любовницей, притомъ съ женой пріятеля, хотя многія обстоятельства студентомъ забылись, а вотъ терзанія автора запомнились какъ свои, а ещё странная особенность британскаго языка – называть любовное приключеніе аферой (affair).

Возможно, и образъ преподавательницы служилъ сохраненію въ памяти если не сюжета романа – то ощущенія утраты и разлуки, что авторъ Бендриксъ передалъ достаточно сильно.

И посѣтитель высказываетъ пожеланіе получить возможность перечесть когда-то читанный романъ. А если можно – то приобрѣсти.

– У насъ нѣтъ свѣденій о переводѣ этого романа на русскій языкъ, – откровенно дѣлится директоръ. – Хотя мы посвящены переводамъ съ цивилизаторскихъ языковъ на отечественный, вплоть до перенасыщенія рынка.

– Я въ курсѣ. Но я читаль его въ далёкой юности какъ разъ на колонизаторскомъ языкѣ. И на-строенческая память сохранилась...

– Жить подождёмъ пока!.. – улыбается директоръ. – Будемъ читать пока! – и поясняетъ: – Быль такой девизъ, если помните... въ самой читающей странѣ...

Посѣтитель этого не помнить, но, благодаря проводимости пространства, намёкъ понимаетъ.

– Тогда пройдемте въ капео...

– Куда?

– Въ КПО, кабинетъ прямого обмѣна. Только не капео, а капео, а то находятся кліенты, кто упо-добляетъ наше заведеніе капищу.

«Гмь!.. – думаетъ посѣтитель. – Но гдѣ же кабинетъ? Я не вижу стѣнъ».

– А розетку-штепсель видите? Надѣвайте обручъ-пеленгаторъ и втыкайте вилку...

«Допотопная техника!» – думаетъ посѣтитель, не подозрѣвающей, что въ кабинетѣ прямого обмѣна мысли читаются ещё проще, чѣмъ подъ высокими сводами.

– Зато безотказная! – отвѣчаетъ директоръ. И видитъ карту мыслей посѣтителя, какъ на экранѣ аэрофотосъёмки: тотъ доволенъ, что капео имѣетъ выходъ на стѣти колонизаторскихъ языковъ, потому что сытъ по горло несовершенными переводами якобы отечественныхъ тѣтушекъ-бабушекъ съ цивилизаторскихъ оригиналовъ на *russo turisto*: тамъ встрѣчаются и уродъ-подлежащее *ничего*, и подмѣна предлоговъ (за – вмѣсто о или объ), падежей (винительный вмѣсто родительнаго), несклоненіе числительныхъ, мѣстоимѣній, топонимовъ, «второй» вмѣсто другой – и даже неспособность сохранить въ словѣ сыплется важную букву *л*. Хуже того: сіи кустари не знаютъ слова *заёмъ* – и пишутъ займ.

– Что – корректуры нѣтъ?

– Книгоизданія нѣтъ!

– Иногда мнѣ кажется, что государства нѣтъ, – говоритъ не кто иной, какъ самъ директоръ.

«Иногда!..» – хмыкнулъ посѣтитель.

И далѣе, по ходу прямого обмѣна, мысли посѣтителя и директора соединяются въ нераздѣлимомъ діалогѣ.

«...Такъ чѣмъ полюбился вамъ этотъ Бендриксъ?..» – «Язвительнымъ юморомъ, ироніей, хитрой изобрѣтательностью, а въ той вещи, ради которой я здѣсь, сильно переданнымъ чувствомъ утраченной любви...» – «Ну, тогда жмите на выбранный титуль».

И посѣтитель мгновенно «заливается» текстомъ – такъ прежде пустовавшій электронный файлъ пропитывается внезапнымъ содержаніемъ.

– Ахъ, – шепчетъ посѣтитель, – я тогда запомнилъ только горечь утраты и горе Бендрикса, но всѣ эти годы совсѣмъ не помнилъ, что речь-то была объ адюльтерѣ, прелюбодѣйствѣ, и совсѣмъ забылъ разливы ненависти Бендрикса и въ чѣмъ была ихъ причина...

– Поздравляю! – говоритъ ему, смягчаясь, директоръ. – Это же и васъ опредѣленнымъ образомъ характеризуетъ!

«Да», – согласно киваетъ посѣтитель и вопросительно озираетъ графитово мерцающіе сумерки, не постигая ихъ смысла. – Меня занимало словечко *affair*, странное, казалось мнѣ, употребленіе его въ любовной исторіи. Но я тогда неглубоко сидѣлъ въ колонизаторскомъ англійскомъ языкѣ, знакъ равенства не ставилъ между *affair* и адюльтеромъ, то бишь *adultery*, представить не могъ, по молодости лѣтъ, что причиной и предметомъ ненависти можетъ быть предметъ любовной страсти.

– Теперь-то вы искушены, я думаю! – безъ улыбки комментируетъ директоръ, всего въ этомъ храмѣ насмотрѣвшійся. Здѣсь всё въ открытомъ доступѣ: не скроешь ничего.

– Уточните, пожалуйста, – продолжаетъ директоръ, – почему вы считаете современныхъ переводчиковъ хуже прежнихъ поколеній?

– Потому что при первомъ чтеніи кубинскаго романа Бендрикса другъ героя былъ Хассельбахеръ, а теперь онъ вдругъ Гассельбахеръ, и подосланный убійца заикается на букве Х, а у парочки новыхъ переводчиковъ – на буквѣ Г... Да у нихъ даже отель Хилтонъ становится Гилтономъ, а всемирно извѣстный коктейль *дайкири* превращается въ «дайквири». Они невѣжды въ міровой литературѣ, и вы, ваша милость, какъ лицо отвѣтственное...

– Понимаю, но не буду... – читаетъ посѣтитель молчаливый отвѣтъ директора и получаетъ деликатный совѣтъ не заниматься ерундой: за этихъ *популярныхъ наверху* переводчиковъ вступится профессиональная гильдія, Джордж Соросъ и мало ли кто ещё.

Посѣтитель задумывается о томъ, кому подчиняется сей храмъ, но получаетъ отвѣтъ, что «Институтъ перевода» хоть и вѣдаетъ кадровыми назначеніями въ храмъ, но занять только переводами доморощенныхъ вундеркиндовъ и геніевъ на цивилизаторскіе языки.

– Мы движемся въ разныхъ направленіяхъ, но къ единой цѣли, – милостиво поясняетъ директоръ. – Банкирамъ плевать, Хилтонъ или Гилтонъ въ романъ – важно, чтобы Хилтонъ всегда оставался на мѣстѣ.

– И чтобы тамъ читали нашихъ назначенныхъ геніевъ, а мы здѣсь – только импортныхъ, – дочитываетъ посѣтитель директорскую мысль.

– Вамъ кажется, что вашъ Хемингуэй и Бендриксъ похожи? – продолжаетъ директоръ. – На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ разные люди, даже противоположныя.

– Уже и не думаю, что похожи.

* * *

– Кто много читаетъ, тотъ немножко и пописываетъ! – широко улыбаясь, говоритъ директоръ. – Это какъ въ томъ анекдотѣ: «Если бъ я былъ когроль, я бы жилъ лутше, чѣмъ когроль: я бы немножечко шиль!» Ну, признавайтесь!

Между ними установилась несомнѣнная симпатія – съ того момента, когда посѣтитель наудачу спросилъ, гдѣ въ «храмъ семь» находится баръ.

– А! Дайкири захотѣлось? Признавайтесь!

Когда мысли читаются безъ словъ, ни въ чѣмъ признаваться не приходится, и посѣтитель усмѣхнулся въ отвѣтъ:

– Никогда не пробовалъ дайкири. А вотъ кайпиринью отвѣдывалъ: на набережной въ Ріо, въ ресторанъ «Акваріусъ».

Директору нѣтъ нужды спрашивать, что дѣлалъ посѣтитель въ Ріо, но изъ вежливаго любопытства онъ спрашиваетъ:

– И какова кайпиринья?

– Голова ясная, веселая, а со стула не встать. Это много льда, ромъ до краёвъ и зелѣный лаймъ. – И глаза застилаетъ ему лирическая дымка, и онъ мечтательно добавляетъ: – вмѣсто рома и агуарденте можно...

– На вопросъ вашъ отвѣчаю: тамъ, гдѣ я, – тамъ и баръ! А на службѣ на моей – да какъ не спиться? Но только въ капео, въ цѣляхъ самосохраненія.

Онъ протягиваетъ руку въ темноту и вытаскиваетъ литровую бутылку золотистаго рома. Чьи-то женскія ручки ставятъ блюдце съ ломтиками лайма и массивные бокалы со льдомъ.

Больше ничего во всеуслышаніе не говорится. Въ капео – въ этомъ нѣтъ нужды.

Мысли, кайпиринья, снова мысли струятся въ унисонъ.

Оба застали времена... книголюбовъ. Теперь времена... даже слова не подобрать. Какъ ещё директоръ тутъ уцѣлѣлъ – съ его-то памятью о прошломъ? Времена, времена монополистовъ... стервятниковъ... у нихъ это въ крови. Если человѣкъ – безъ срока давности, то человѣкъ ли онъ? Или, можетъ, о нёмъ скажутъ, открывая мемориальную плиту либо Имярекъ-центр, – «приснопахлятый»?

Книгоизданіе теперь – не государственное дѣло. И нѣтъ читателей, а просто потребители... гаджетовъ, игровыхъ консолей, коммуникаторовъ... У книготорговли зато – нацѣнка подъ триста процентовъ. Уххъ, хорошшо – да только кому?

На браслетѣ у директора замигалъ красный маячокъ.

– Ахъ, принесла нелѣгкая!.. Бѣда пришла – отворяй ворота! – и дѣлаетъ объявленіе, совершенно здѣсь излишнее: – Провѣрка!

«Утечка изъ капео?» – удивляясь, пугается посѣтитель, но директоръ отрицательно трясётъ пятерней: – Просто крутую изъ себя изображаетъ! Привыкла!

– Ахъ, это женщина... Интересно!

«Ничуть!» – возражаетъ директоръ:

– Но выходимъ экстренно въ публичное пространство!

Въ публичномъ пространствѣ посѣтитель не видитъ особой разницы: почти такой же мракъ съ мерцающими переливами. А директоръ спѣшно включаетъ лекцію-пропаганду:

– ...о прошлых вѣкахъ отечественной словесности говорилось, что всѣ мы-де вышли изъ «Шинели» Гоголя. Но всякая крылатая фраза становится стёртой, избитой, теряет крылья и поклонников. Мы уже не слышимъ её больше четверти вѣка – цѣлое поколѣніе! Хотя признаёмъ, что толика объективности въ этой фразѣ есть, вѣрнѣе – была, но въ эпоху постмодерна она обезточивается, ибо пропадаетъ разность потенциаловъ: цѣль ничто, а движеніе – всё!

– Откуда движенію быть безъ разности потенциаловъ? – директоръ слышитъ этотъ нѣмой вопросъ посетителя.

– Движеніе есть всегда, хотя бы на уровнѣ химическихъ реакцій!

– Гніеніе – тоже движеніе?

Вмѣсто отвѣта директоръ машетъ въ посетителя флажкомъ ВТО.

– Это вы накликали провѣрку мнѣ на голову!

Изъ-за колеблющихся занавѣсей мрака доносится цоканье каблукочковъ.

На лице директора застываетъ сладенькая улыбка, а самъ онъ – въ полупоклонѣ.

Изъ тумана ткѣтся образъ женщины въ боевой попонтѣ типа пончо подъ гривой изъ конскаго волоса.

– Жить подождёмъ пока... – меланхолично шепчетъ директоръ.

– Васисуалій! Снова пиль! – гримаса искажаетъ крупнопородистыя черты, а посетитель получаетъ полную справку о носительницѣ оныхъ: важная закладка въ «Большой книгѣ» банковскихъ гарантій.

– Леночка, дорогая! Я же объяснялъ: это мой парфюмъ! Шанель Вириль!

– А это что за честновѣръ? Ты самъ-то не видишь? Совсѣмъ ужъ нюхъ потерялъ съ твоимъ парфюмомъ?

– Мнѣ онъ понравился тѣмъ, что фиксируетъ тексты не отлипая... И ещё онъ осуществилъ мечту Остапа Бендера: гулялъ по Рио-де-Жанейро въ бѣлыхъ штанахъ!

– Да онъ стоитъ сейчасъ и думаетъ: мало быть бѣлогвардейцемъ, надо быть и черносотенцемъ. Такъ? – свѣтская львица, а можетъ – и лошадь буравить посетителя взглядомъ пресс-секретаря главоверха.

– Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ – бываетъ! – скромно говоритъ посетитель.

– Ты видишь, ты слышишь?! – взвизываетъ крупнопородистая дама. – Я тебѣ это зачту!

– Да онъ эпатируетъ! – защищается директоръ. – Онъ страстный поклонникъ британской литературы, онъ вѣритъ въ британскихъ учёныхъ... Впрочемъ, какъ ты, Леночка, скажешь...

– А скажу я, что не съ тѣми мыслями сюда я шла, не съ тѣми намѣреніями!..

– Намѣреніями, – машинально произноситъ посетитель.

– Это вы такъ думаете! Я съ вами спорить не собираюсь! Ты понялъ, Васисуалій? Завтра жду тебя ровно въ одиннадцать!

«Но гривы же у львовъ, а не у львицъ!» – некстати думаетъ посетитель, а дама принимаетъ это за комплиментъ, и всё оказывается какъ нельзя кстати...

* * *

– Здѣсь былъ мой отважный другъ, ненавистникъ Достоевскаго? – смягчаясь, говоритъ Леночка. – Обѣщала меня ждать! Но вижу: не былъ.

«Не много ли ненависти на меня одного? – думаетъ посетитель. – Романъ Бендрикса – о ненависти, свиданіе у дамы – съ ненавистникомъ Достоевскаго».

Но дама его игнорируетъ, потому что соглашается съ приглашеніемъ директора скоротать время ожиданія за экзотической кайпириньей. «Гдѣ мы – тамъ и баръ!» – вспоминаетъ посетитель.

– Я, собственно, мимоходомъ... – сообщаетъ гостя директору какъ бы вскользь, а изъ темноты, какъ изъ табакерки, рисуется невѣсть откуда барменъ. – Мой другъ, при его занятости... Цѣну его общанія всѣ знаютъ!..

– Лично я безумно радъ васъ видеть, прекрасная Гелена!

Барменъ подкрѣпляетъ слова директора махомъ шевелюры.

Гелена пригубливаетъ поданный коктейль.

– О... Коктейли у васъ, должна признать, неизмѣнно хороши. Уже приѣздъ мой не напрасенъ. Хотя въ редакціи тамъ – работы прорва!

– Ещё бы!.. – говоритъ директоръ. – Звѣздная фабрика писателей! Это же мы вамъ обязаны Ляписомъ Примѣсомъ, Жаномъ Буксиркинымъ...

– Да, сдѣлали ихъ мы! – соглашается важная гостья. – Мо'но ска'ть, даже я! Но ты опять за своё: писатели, писаа'тели!.. Кто такіе писаа'тели? Кто ихъ помнитъ, кромѣ измученнаго издателя? Это слово было въ духѣ времени при Гоголяхъ, при Достоевскихъ, когда была мода свои рукописи жечь. Хотя, пардонъ, Гоголь былъ одинъ; зато другой умникъ потомъ провѣрилъ – и сказалъ, что рукописи не горять... Мы во главу угла ставимъ авторовъ! Авторъ – вотъ кто намъ важень и нужень, вотъ кого намъ – побольше, всякихъ-разныхъ! Умница былъ Генри Фордъ, придумавшій конвейеръ!

Директоръ важно возвышаетъ взглядъ – ни капли ироніи! – и посылаетъ посѣтителю открытымъ текстомъ: «Слушайте, внимайте! Великая женщина говоритъ!»

Посѣтитель симулируетъ непониманіе:

– А чѣмъ же авторъ выше писателя?

– Съ точки зрѣнія компьютера, у всякого файла долженъ быть авторъ!

– Ага! – поднявъ брови, соглашается посѣтитель.

– Да и русскому языку не грѣхъ бы брать примѣръ съ англійскаго! – не замѣчая, что мѣняетъ тему, продолжаетъ своё важная закладка. – Падежи становятся пережиткомъ! Съ точки зрѣнія... (...компьютера! – подсказываетъ посѣтитель)... науки, науки, падежи – анахронизмъ!

«Тема мѣняется, – сообщаетъ посѣтитель, – но позиція у ней всё та же».

– Британцы зря ничего не дѣлаютъ! – согласно киваетъ директоръ.

– И не зря они каждую пару лѣтъ составляютъ словарь новыхъ словъ! – ехидно поддакиваетъ посѣтитель.

– Откуда вы знаете? – вскинулась дама въ пончо.

– Откуда-то знаю!

Почувствовавъ дерзость своей интонаціи, онъ хочетъ исправиться:

– Интересно, что чувствуетъ женщина, производящая нынешнихъ классиковъ? Гордость? Удовлетвореніе?

Гостья уловила въ вопросѣ подвохъ и не захотѣла остаться въ долгу.

– Классики, нынче... – въ ея улыбкѣ блеснула издѣвка, и она со смакомъ, нараспѣвъ повторила русское слово: – Ньи-и-нче!.. классики!.. – потому что ребята издаются классическимъ способомъ, за счётъ издателя. А безпризорники, патриоты и прочая шушера имѣютъ полное право издаться, какъ поётъ реклама – бесплатно, тиражомъ отъ одного экземпляра, по льготной цѣнѣ – и выставляйте свой экземпляръ въ интернетъ на продажу. На русскій авось!

И, побѣдно глянувъ на посѣтителя, она тряхнула гривой:

– Ужъ не интервью ли вы берёте, молодой человекъ? Имѣйте въ виду: интервьюеры хорошо по-полняютъ мой бюджетъ по судебнымъ рѣшеніямъ!..

«Молодой человекъ», чьихъ сѣдинъ гостья не уважила, осипшимъ голосомъ вопрошаетъ:

– Развѣ тексты интервью не присылаютъ на согласованіе?

– Мнѣ некогда читать журналушекъ! Мнѣ даже классиковъ некогда читать – а надо! И это мнѣ не по здоровью – читать чудовищныя интервью!

Съ минуту, будто колеблясь, она смотритъ на посѣтителя, потомъ снисходительно поясняетъ:

– Литература, молодой человекъ, она такой же атрибутъ, какъ армія, какъ министерство финансовъ или бюджетъ... И мы её приканчиваемъ. Ибо читатель – исчезающая категория!

– Зачѣмъ же вы столько издаёте? Кромѣ вашихъ, больше никого не видно!

– Да чтобъ и не было видно!.. Однако мнѣ пора, господа!

Великая Гелена отставляетъ опорожнённый стаканъ: она дѣйствительно заскочила наудачу...
Дѣла, дѣла!

– Будемъ рады, когда опять найдёте времечко! – приговариваетъ директоръ, назавтра вызванный на ковёръ. – Сегодня просто счастливы! – и отчаянно подмигиваетъ посѣтителю. – Восхищены вашей блистательной командой!

Высокая гостья поворачивается къ выходу, который посѣтителемъ едва угадывается за графитовымъ сіяніемъ пещеры, бѣётъ копытомъ по каменному полу и взмываетъ боевую попону, подъ которой, въ интимныхъ сумеркахъ, вдругъ блеснули бронзовыя яйца.

«Трансхендеръ?» – удивляется посѣтитель ея прыти и стати.

– Вотъ такъ-то! – дѣлаетъ глаза ей вослѣдъ директоръ.

И посятителю слышенъ абразивный скрежетъ директорской мысли: ну баба! Ну же баба! Коня остановить, избу подожжётъ!

Цѣпляясь за локоть посятителя, директоръ осипшимъ голосомъ говорить:

– Пошли! Запьемъ эту гадость!

* * *

И вотъ они уже близкіе люди, даже внѣ предѣловъ капео – доверительно бесѣдуютъ.

– Не пойду я завтра къ ней! А пошлю я факсъ по формали-вертикали: «по собственному желанію»!..

– И что дѣлать будешь?

– Буду пить не отъ стресса, а по собственному желанію... Га-га-га!

«Только не усердствуй!» – думаетъ посятитель, директоръ долю минуты молчить, потомъ согласно киваетъ:

– Не бойсь! Я такіе мемуары напишу! Пусть они боятся!

Проводимость ещё есть, но на трезвую голову была получше.

– Было бы кого бояться!

– И это вѣрно!.. Ты понимаешь, мужъ у Гелены – Полушубокъ, зато сама она – цѣлая Шуба! Вотъ и готовить намъ словесность, какъ селѣдку подъ шубой. Теперь мы всѣ – изъ этой Шубы, что читатели, что писатели. Потому послѣднихъ больше, чѣмъ первыхъ.

– Товарищъ Сталинъ – тотъ и книги читаль, электростанціи строиль, лѣсополосы высаживаль въ защиту климата и мира во всѣмъ мірѣ...

– Если бы да кабы, да во рту росли грибы...

– А давай... Ещё не на посошокъ, а давай за Бендрикса! Это же онъ тебя привѣль!

– Ну, давай!.. А вѣдь я предошущаль, ещё въ юности... читая его автобіографическій романъ, что человѣческія чары автора уже истощаются... а теперь, перечтя этотъ романъ ненависти, что я долженъ думать?.. Даже не о Бендриксѣ, а о католичествѣ!.. И поможетъ ли католичеству то, что авторъ, всюду такой нехорошій, во всякомъ романѣ твердитъ, что Бога нѣтъ?.. или то, что авторъ былъ воспитанъ «католиками въ кубѣ», то бишь іезуитами, потому какъ англичане сбавриваютъ дѣтей изъ дома вонь...

– Угу, семья по-англійски... – директоръ пыхтитъ и трѣть пальцами воздухъ.

«Если это не у шахтѣровъ или фермеровъ... – уточняюще думаетъ посятитель. – А шахтѣровъ они повывели...»

– Сказать, что католичество – это ненависть и есть, было бы упрощеніемъ?.. кошунствомъ или правдой? Исторія соврать не дастъ... Хорватская исторія, польская, британская...

– Но англичане развѣ католики? Они же англикане.

– Те же католики, только видъ сбоку. Ушли отъ Ватикана по волѣ короля, которому папа не позволилъ развестись... А латинское завоеваніе Америки, а Торквемада... Ахъ, зачѣмъ я къ вамъ пришѣль? Теперь я и любимые романы Бендрикса буду читать не съ прежнимъ чувствомъ къ нему. Какъ человѣкъ, онъ личностью своей скорѣе возмущаетъ. Что ни романъ – то adultery. Я и самъ былъ не святой, но мнѣ казалось, что Бендриксъ – иронистъ и платоникъ... А тутъ – love-hate story. Хотя англичане и пишутъ, что герой романа, потерявъ любовь, обрѣль вѣру въ Бога, – я этого не ощутилъ. Другое дѣло, какъ писатель – онъ виртуозъ, насмѣшникъ, интриганъ... Мы такъ не умѣемъ.

– И ты хочешь этому научиться?

– Нѣтъ, не хочу. Вѣдь я же русскій. Не казуистъ, не фокусникъ. Я не нанизываю діалогъ на недоразумѣніе...

– А на что нанизываешь?

– На что вынуждаютъ меня... На что насъ вынуждаютъ: на мечъ!..

Тутъ за окномъ раздался громъ – «посятитель» вздрогнулъ. Посыпалось гдѣ-то стекло.

– О, не волнуйся! – прокричалъ директоръ изъ тумана, быстро таявшаго на свѣту. – Это Шуба споткнулась. Сказался коктейль! Литература – свободна! Великая Гелена уронила «Большую книгу»!

– ...и-и-и-гу, и-и-и-гу, и-и-и-гуу!.. – повторило раскатами эхо...

И обратилось въ канонаду европейской войны.